

Мстители и честные лгунишки

Дети пололи сорную пшеницу так, будто шли в бой

Нина КОНДРАТКОВСКАЯ

В ИЮНЕ—ИЮЛЕ сорок третьего военного года я с бригадой шестиклассников полола зерновые на правом берегу Урала, уже разлившегося в необозримый пруд, на том месте, где сейчас раскинул крылья нарядный многоэтажный центр Магнитогорска.

Те, кто постарше, ездили в колхозы и совхозы, а меня, мать дошкольницы, далеко не послали, и я с ребенком и своим классом оказалась на подсобном хозяйстве воинской части, охранявшей завод — он был важным военным объектом.

Нас с левого берега перевозил паром, влекомый катером, или катер от Сосновой горы до станции Магнитной, или, как ее уже называли, — Старой Магнитки, а оттуда, вправо, поднявшись вверх примерно на километр, мы шли пешком до землянок и деревянной будки с небольшим складом, почти неприметных в степи.

Наша землянка была устроена очень просто. В ней из жердей, досок, соломы и земли крыша углом, подпираемая снизу столбами, спереди — лаз наподобие двери, завешенный мешковиной. Внутри с двух сторон настили — нары, между ними можно пройти бочком. Стен, конечно, никаких, окон тоже. На нарах солома, а постель у каждого своя — выношенные лоскутные одеяла, негодная одежда, а вместо подушек — мешки, набитые сеном. Здесь было всегда прохладно, темно и пахло степью. Нас было двадцать две души.

Дети были очень довольны, хотя работа нелегкая, а возраст — 13—14 лет — самый непоседливый, слабоуправляемый, словом, как теперь говорят, трудный. Но главной нашей привилегией было то, что кормили нас без карточек и сытно. Хлебные и продуктовые карточки ребята оставляли семье, зарабатывая это право, как взрослые. Мало того, за хорошую, чистую работу и перевыполнение нормы в субботу, отпуская на воскресенье омыться и сменить белье, управляющий выдавал премию: сахар, колбасу из субпродуктов (ее ребята звали субтропической) и по 600 граммов хлеба. Кормили нас сытно, хотя и однообразно. Трижды в день варили настоящую домашнюю лапшу со свиной, кашу сечку с топленным салом, а к чаю привозили молоко. Чай был сладкий, суррогатный, но мы добавляли травку-матрешку, или душицу, а в июле появились ягоды — полевая клубника, а вслед за ней степная мелкая вишня.

Мои ребята работали хорошо и жили дружно, боясь расстаться с сытой жизнью и степной вольной благодатью. Чтобы все было в порядке, я схитрила: коноводов, самых озорных и строптивых, неудобных и неугодных учителей, но ребятных признанных вожakov, взяла на равных в советчики и доверила им хозяйство, благоустройство, дисциплину и организацию труда. Решения принимала только с ними. У девочек, под стать мальчишке, заводилой была Зоя Вегерина, отличавшаяся от самых отчаянных Кости Абраменко и Володьки Щербини лишь тем, что хорошо училась. Мое самоуправление было строгим и справедливым. Оно решило продукты брать по весу, назначало сменную повариху, отменило дежурных, уборку землянки делало сообща по-солдатски — в минуты.

Но дети есть дети. Пололи очень сорную пшеницу они так, будто шли в бой. Молочай превращался в просто фашистов, а колючий осот — в эсэсовцев. Остальные сорняки: сурепка, полынок, пырей — были их пособниками, а ползучая березка по-

лучала такие названия, которые до меня не доходили, если не считать самого невинного — «немецкой овчарки».

Сорняки полагалось собирать в борозды кучами — их увозили на корм, но для ребят это были трупы поверженных врагов. Выходили двумя бригадами — мальчиков и девочек — и, конечно, соревновались — как же иначе. Сперва мальчишки обгоняли девчонок, но быстро выдыхались. А терпеливые девчата чистенько выводили свой пай до конца. На обратном пути проверяли, не скрылся ли враг.

«На пароме» из серии «Они строили Магнитку».
Александр Лантес

Но всякая игра надоедает. И ребята потребовали от меня сказку. Я работала наравне с ними, помогая отстающим. Но заправили меня «сняли с работы».

— Идите вперед и рассказывайте сказки.

Я рассказывала, пятясь и оглядываясь, чтоб не сойти с междуядья и не топтать пшеницу, и говорила — на открытом воздухе, в зное, наполненном стрекотанием кузнечиков и шумом ветра, это было нелегко. Слышно было идущим внаклон вперед, отставшие пищали, передние не хотели отставать. Потом я шла к девочкам. И так — четыре часа подряд. После обеда ребята отдыхали, но слишком активно. Выше, за землянкой, была кошенина, дальше стояли стожки, а за ними — степь до горизонта. Ребята носились, бежали за ягодами, лезли в заболоченное озерко, после чего надо было мчаться на Урал отмываться. Только сказкой можно было уложить их в землянке отдохнуть — два часа работы мы оставляли на время вечерней прохлады.

Сказок не хватало. Я исчерпала и русские, и Андерсена, и Перро, и братьев Гримм. За ними за сказку сошли Илиада и Одиссея, греческие мифы и оставшиеся от институтского курса древнерусские сказания, апокрифы и даже жития святых. В ход пошли приключенческая литература, исторические романы — и я ругала себя нещадно за студенческие чтения «по диагонали». А ребята были ненасытны. Когда я охрипла, осипла и лишилась голоса, мы придумали игру: один начинает придумывать историю, другой продолжает и так далее.

Проще было днем и вечером в зем-

лянке. Там я читала стихи и поэмы, иногда пьесы. Или рассказывала трагедии Шекспира — медленно и монотонно, позевывая и навевая дрему. Ребята вырубались, сладко сопели, и я блаженно отдыхала. К концу недели, особенно в жару, мы уставали несносно. Первую часть работы перенесли на раннее утро: с семи до одиннадцати. И вечером — с шести до восьми. А норму перевыполнили. Приходил бригадир, замерял, качеством был доволен. И ставил в пример «кадровым»: те работали хуже, с нормой недотягивали, хит-

дневной паек. Вот тут-то, после пшенной каши с духовитым чаем, Августина нас и огорчила. Она обмерила площадь прополотой за первый час работы — спринтерской, спортивной! — умножила на шесть часов и выдала такую норму, что не только детям, но и взрослым атлетам не сработать. Нам на вечерние два часа осталось немного, и мы успевали прополоть три сотки сверх плана. По ее расчетам, мы должны были пропалывать раза в три больше.

— А вы наемную бригаду проверяли? У них — взрослая норма, а ребята от них не отстают, и качество хорошее.

— Качество у вас тоже... разное. Где — густая пшеница — там же полоть нечего! А где редкая...

— Так сорняки нас не спрашивали, где глушить посевы, а где обойти!

— Ваши шутки неуместны, — парировала дама.

— А как вы подсчитали норму? Есть же книга, ее в совхозе взяли. Узаконенная!

— Но я проверила. Вот смотрите! — по блокноту она прочитала задачу для второго класса на умножение. — Если за час прополоты четыре квадратных метра, то за шесть — четыреста умножим на шесть — 2400!

— Но дети не могут весь день работать, как машины. Сначала они перед вами выложились — так же они не могут и двух часов продержаться. Давайте станем вместе, поработайте с нами. Мы сейчас пойдём.

— Сейчас? Разве это дело — рабочий день отдыхать, баловаться, а трудиться утром и вечером?

— Я за детей отвечаю. В такую жару шесть часов на солнце? А если удар?

Но Августина гнула свое, хотя подошли наемные и только качали головами. Привычные, и то в зной они уходили под навес.

Домой ребята вернулись с богатыми гостинцами: каждому выдали по два кольца колбасы, сахар, хлеб и по куску сала

рили, отлучались тихонько домой, в Старую Магнитку, и жаловались, что у школьницы и поле чище, и «мушкетеры есть, куда нам с имья равняться». Но поле было одинаковое, сорняков — навалом, а честнее моих ребят не найти.

И вдруг пришла беда. Явилась она с дамой в перманенте, пышной не по военной поре, в бело-розовой блузке и при часах и сережках — богатстве в ту нищую пору неслыханном.

— Товарищ нормировщица, — объявил управляющий, — сделайте замер и проведет хронометраж, чтобы установить правильную норму.

Нам оставалось работать две недели, и конец нашего поля мы видели, работа была по плечу. Вышли, быстро позавтракав, к семи часам — их отбивал дежурный, сверив время у управляющего. Августина Пална — так звали пышную даму, — достала блокнотик, посмотрела на часы и достала секундомер.

Этот секундомер будто подстегнул ребят, и они ринулись на сорняки как — кто кого! Час бродила за нами Августина, потом ее разморило, и она спрыгала с блокнотом и секундомером в сумочку крокодиловой кожи из «американских подарков». Ребята после такого рыжка выдохлись и до обеда сидели под навесом потные и вялые, как полегшая ботва.

После обеда они оживились, сбегали на Урал. Девочки готовили полдник — мы ухитрились кормиться покурортному, разумно распределяя

Итак, с завтрашнего дня у вас будет новая норма, — будто отрезала она, и управляющий почему-то не возражал.

Ребята переговаривались, похоже, в них копилась гроза. Они могли сорваться и уехать.

Дополов свою делянку до конца, но с неохотой, они поужинали, пошпательлись и очень рано завалились спать...

Утром ребята были такие послушные, что глаза бы не глядели. Ни ложками не стукали, ни по скамейке не ездили, не толкались локтями, теснились за столом. И на работу пошли без команды. Августина отправилась к парому, а перед обедом управляющий, мрачный, как демон, позвал меня под навес и сказал:

— Ваши пацаны сегодня ночью нахулиганичали.

Я сделала удивленную мину.

— Ночью? Они спали как святые!

— Ага! Святые! Нахулиганили, и это им так не пройдет.

— Ну, разве что утром, но они же на виду...

— Ночью.

— А что они сделали?

— Хулиганство.

— Какое?

— Злостное. Натворили, вот что.

— Но я должна знать, что именно натворили. Поломали что-то?

Управляющий молчал.

— Неужели... своровали?

Он вздохнул. Чего тут воровать! Мука и сахар под замком, вещей,

кроме больших котлов, вон они сушатся, никаких. Так я ничего и не добила. А в том, что нахулиганичали, уже не сомневалась. И я пошла в поле, где ребята старались и без моих сказок, позвала Зою — надо сменить Марусю-повара. Зоя поняла и рассказала все так, будто сама видела и даже участвовала в заговоре и его исполнении. А было так.

— Озялась на глупую Августину, они поняли: нормировщица нужна была управляющему. У него с Августиной шуры-муры. И он ее халхаль. А она его... эта самая, ну, сами понимаете. Мы работаем, а они гуляют. И как позавчера вечером она приехала, так ночью на свиданку в дальний стожок за вишенник ушли. И вчера тоже. А мальчишки, ну и мы тоже, хотели ей отомстить. Выдумала норму! У самой руки белые. А у нас черные и пухнут от осота. Ей бы так!

У меня от рассказа похолодела спина, хотя жара была жуткая, как в бане, если туда еще солнце пустить.

Выследили ребята любовников и удумали мечь. Тихонько взяли четыре ведра, да так, что не звякнули, не стукнули, сбегали к Уралу, зачерпнули воды и — не мимо землянки, а крюком, в обход — к тому стожку.

— Как партизаны в разведке, — даже захлебнулась в восторге Зойка. — Ну, а потом подползли к стожку, не там где ихнее логово, а с тылу. Двоих на стог подсадили и ведра подали, а двое с двух сторон. И по команде — вроде как сверчок, (Мишка засверчал, он умеет). — давай их водой, давай водой. Пока не очутились — убежали, и ведра прижали, чтоб не слышать. Она ж вся мокрая ушла, а он в робу переоделся. А его синий хэбэ на будке с той стороны сушится.

Я сокрушено качала головой, но в душе одобряла мстителей.

После обеда я сама пошла к управляющему, уже надевшему мятую сорочку.

— Ребята уверяют, что ничего плохого не сделали. Объясните мне, в чем дело. Пусть вернут, если что взяли! Они же дети.

Мрачный управляющий ворчал: — Дети, дети, а хулиганят, как фашисты.

Мои хулиганы клялись честным пионерским наперевой, и рожки у них были честнейшие.

— Вчера вечером тут старомагнитские парни ходили. Так если они что напрокудили, так мы их сами...

— Это придумал Вовка Щербина. — Какие старомагнитские? Что с ведрами ходили? — Это уже Зойка добавила. — Так они на Урал ушли, уже в потемках. Я напиток вышла, слышу — брякают ведра. Трое их или четверо.

— Может и старомагнитские, — поверил Зойкиной брехне управляющий.

— Ну, вот, а вы на нас. Мы ж так устали, что легли как убитые. Нам рассказывают про графа Монте-Кристо, а мы спим. На самом интересном месте!

Ври да не завирайся, хотела я сказать Косте. Если он спал, то откуда узнал про самое интересное место в романе? Но управляющему было не до бдительности, он поверил в появление старомагнитских. А ведра все были на месте.

Нормы нам не изменили. Утром бригадир осмотрел вчерашнюю работу, одобрил, записал перевыполнение. О происшествии никто не вспоминал. Мы вернулись домой с богатыми гостинцами. Прополка закончилась, всем нам выдали по два кольца «субтропической» колбасы, ее только что привезли, и она могла испортиться. Не пожалел управляющий и сахару, хлеба тоже выдал по полбуханки — больших. И по куску сала. А еще — целый ящик карамели...

Даже повзрослевшие за трудовое лето дети остаются детьми, самыми искренними и справедливыми, как эти маленькие мстители и лгунишки, о которых я до сих пор вспоминаю с улыбкой.

Подготовила к публикации
Валентина БАЛАБАНОВА.